

ГЛАВА I. Политическая способность и её условия. – Способность действительная и законная. – Сознание и идея

С вопросом о представительстве рабочих, решенном отрицательно, тесно связан вопрос о политической способности работников или, употребляя более общее выражение, народа. Способен ли народ, которому революция 1848 предоставила право голоса, быть судьей в политических вопросах, т. е. во-первых, может ли он составить по вопросам, занимающим общество, свое самостоятельное мнение, сообразное с его выгодой, его положением и его будущностью? Во-вторых, может ли он произнести по этим вопросам, подлежащим прямо или косвенно его суду, основательный приговор; наконец, в-третьих, способен ли он определить исходную точку своих действий, выразить свои идеи, взгляды, надежды и привести в исполнение свои планы?

Если так, то нужно, чтобы народ при первой возможности доказал эту способность. Для этого ему следует определить свой принцип так, чтобы резюмировать в нем все свои идеи, как обыкновенно делают все преобразователи обществ и как недавно пытались сделать авторы манифеста; затем этот принцип должен быть утвержден единогласно; в случае надобности, если бы пришлось избирать себе представителей в советы страны, то народ должен избрать в это звание таких людей, которые умели бы выразить его мысль, говорить его именем, поддерживать его права; которые были бы преданы ему душой и телом; о которых он мог бы сказать, не рискуя обмануться: это кость от костей моих, плоть от плоти моей.

В противном случае народ поступит благоразумнее, если продлит свое вековое молчание и перестанет участвовать в выборах. Этим поступком он окажет услугу как обществу, так и правительству. Сложив с себя власть, возложенную на него всеобщей подачей голосов и

доказав таким образом свое уважение к общественному порядку, он поступит гораздо честнее и благоразумнее, чем, подавая, по примеру буржуазии, свои голоса за знаменитых эмпириков, которые хвалятся своим безграничным влиянием на общество, хотя вовсе не знают его. Если народ не сознает своей собственной мысли или, сознав ее, беспрестанно отступает от неё, то ему остается только молчать. Пусть синие и белые грызутся между собой; народу же, как ослу в басне, остается смирно нести свое бремя.

Одарен ли народ политической способностью? Таков, повторяю, неизбежный вопрос, поднятый кандидатурой рабочих, вопрос, требующий немедленного ответа. Надо отдать справедливость шестидесяти: они смело отвечали утвердительно. Но за то какую бурю возбудили они против себя и в журналах, мнимых органах демократии, и между кандидатами, и даже между своими сотоварищами. Всего прискорбнее здесь положение самой рабочей массы в таком решительном для неё случае. Вслед за манифестом явился контрманифест, подписанный восьмьюдесятью работниками. Эти восемьдесят человек открыто протестуют против самонадеянности шестидесяти, говорят, что они вовсе не выразили народную мысль, упрекают их за поднятый ими социальный вопрос, тогда как дело шло лишь о вопросах политических; упрекают их за то, что они сеют раздор, тогда как следовало проповедывать союз; за то, наконец, что они хотят восстановить касты, вместо того чтобы стараться сглаживать неравенство. в заключение они говорят, что свобода в настоящее время есть единственное завоевание, к которому следует стремиться. «Пока нам не дадут свободы, говорят они, будем думать только о том, чтобы завоевать ее». Я полагаю, что люди эти, как граждане и как работники, не хуже и не лучше других. Они, конечно, не отличились ни особенной оригинальностью, ни особенным рвением, и, судя по аргументам, которые они приводят, можно заключить, что они с успехом пользовались уроками *Presse*, *Temps* и *Siècle*, так что заискивания Жирандена и Ко. не пропали даром.

Французский народ страдает иногда припадками смирения. Обыкновенно щекотливый и тщеславный, он доходит иногда до самоунижения. Отчего этот народ, жаждущий верховной власти, так нетерпеливо желающий воспользоваться своим избирательным правом, народ, вокруг которого увивается целая стая черных фраков, этих подлипал кандидатов – отчего этот народ так пренебрегает людьми своего сословия? Между рабочей демократией существует очень много людей образованных, умеющих владеть пером и языком, знакомых с делом, в двадцать раз более способных и, главное, более достойных быть представителями народа, чем все эти адвокаты, журналисты, писатели, педанты, интриганы и шарлатаны, которых он выбирает. Он не хочет иметь их своими представителями. Демократия гнушается депутатами действительно демократическими. Она ставит себе за честь иметь представителями людей с аристократическим оттенком. Уж не думает ли она облагородиться через это? Если народ созрел для верховной власти, то зачем же он прячется за своих отставных опекунов, которые уже не покровительствуют ему и ни в чем не могут помочь ему? Зачем он, как стыдливая девушка, опускает глаза перед своими нанимателями[10]. Зачем, наконец, поставленный в необходимость выразить свою идею и заявить на деле свою волю, он так рабски подражает своим прежним патронам и даже повторяет их любимые изречения.

Все это, надо сознаться, сильно говорило бы против эмансипации пролетария, если бы дело не объяснялось просто новизною положения.

С самого начала обществ народ находился в зависимости от богатых классов, следовательно, подчинялся им в умственном и нравственном отношении, и это зависимое положение оставило на нем глубокие следы. Революция 89 разбила эту иерархию; народ почувствовал свою независимость и сознал себя. Но ему до сих пор еще трудно отделаться от привычки во всем уступать этим людям. Понятие, которое народ составил себе о том, что называется политической способностью, крайне ошибочно и односторонне. Он ставит выше других смертных тех, кто в старину были его господами, кто теперь сохранил над ним привилегию занимать профессии, именуемые либеральными, хотя давно бы пора лишить их этого названия. Прибавьте к этому зависть, которую чувствует всякий простолюдин к тем из своих собратьев, которым удалось возвыситься над своей средой.

После этого нет ничего удивительного, если народ, несмотря на перемену в образе жизни, несмотря на то, что преобразовались и его сознание, и основные идеи, которыми он руководствуется, все еще сохранил привычку к самоотвержению. Нравы, как и язык, не меняются с переменою религии, законов и права. Мы еще долго будем друг для друга милостивыми государями и всепокорнейшими слугами, но из этого не следует, чтобы на самом деле существовали господа и слуги.

Оставим же в стороне обожание, коленопреклонение и всякое суеверие, и постараемся на основании идей и фактов определить, какова в самом деле политическая способность рабочих классов сравнительно с классом буржуазии, и в чем состоит их будущее значение.

Здесь следует заметить, что способность, когда дело идет о гражданине, бывает двух родов: способность законная и способность действительная; первая дается законом и предполагает вторую, потому что невозможно, чтобы какой нибудь законодатель признал право за людьми, которых считает от природы неспособными пользоваться им. Например до 1848, чтобы быть избирателем, нужно было платить 200 франков прямых налогов. Стало быть, тогда считали собственность гарантией действительной способности. Вследствие этого 250,000 или 300,000 человек, платящих 200 и более франков, признавались единственными людьми, способными наблюдать за действиями правительства и направлять его политику. Это очевидная ложь, так как ничто не доказывает, чтобы между тогдашними избирателями не было, и даже в большом количестве, людей, по природе неспособных, несмотря на вносимые ими подати, точно также, как ничто не доказывает, чтобы вне этого круга между столькими миллионами граждан не нашлось множества способных людей.

1848 год, так сказать, перевернул эту систему введением всеобщей и прямой подачи голосов, без всякого ценза. Этой простой реформой все народонаселение мужского пола, достигшее 21 года, родившееся во Франции и имеющее в ней оседлость, признано законом – политически правоспособным. Правительство еще раз предположило, что право избирателя и известная степень политической способности нераздельно связаны с званием мужчины и гражданина. Но это очевидно новая фикция. Почему право избирательства должно быть скорее преимуществом гражданства, возраста, пола и места жительства, чем привилегией собственности? Достоинство избирателя в нашем демократическом обществе соответствует дворянскому достоинству феодальных времен. Каким образом может оно быть раздаваемо без разбору всем и каждому, когда дворянство давалось лишь немногим? Здесь уместно сказать, что всякое достоинство, как скоро оно принадлежит всем, теряет свое значение, и

что то, что принадлежит всем, в сущности не принадлежит никому. Впрочем самый опыт уже доказал справедливость моих слов: чем более распространяется избирательное право, тем менее придают ему значения. Доказательством этого служит число отказывающихся участвовать в баллотировке; их было 36 на 100 в 1857 и 25 на 100 в 1863. Нет сомнения, что наши десять миллионов избирателей как по уму, так и по характеру стоят несравненно ниже 300,000 цензовых июльской монархии.

Итак, раз приняв на себя обязанность рассмотреть политическую способность с исторической и философской точки зрения, мы должны, волей, неволей, оставить факции, и обратиться к действительной способности. Мы ею одной и займемся.

Для признания какого нибудь лица, корпорации или общества политически способными, нужно, чтобы они удовлетворяли трем условиям:

1. Чтобы данное лицо или общество сознавало себя, то есть понимало свое достоинство, знало себе цену, место занимаемое им в обществе, роль, которую оно в нем играет, должность, которую оно может занимать, интересы, которые оно представляет или олицетворяет.
2. Как результат этого самопознания, лицо или общество должно проводить свою идею, т. е. должно уметь заявить ее, выразить словами, объяснить её смысл, принцип, последствия, доказать её основание.
3. Оно должно, в случае надобности и по требованию обстоятельств, делать практические выводы из той основной идеи, которую оно исповедует.

Заметьте, что здесь нельзя ничего ни сбавить, ни прибавить. Одни люди чувствуют живее других, сильнее сознают себя, быстрее схватывают мысль и с большим умением и энергиею выражают ее, чем другие, или обладают такою силою творчества, какой редко достигают и самые сильные умы. Эти различия в интенсивности сознательной способности, мысли и применении её, составляют степень таланта, но не сущность самой способности. Таким образом, всякий верующий во Христа, исповедующий догматы его религии и следующий её уставам, есть христианин и потому способен достичь вечного блаженства; но это нисколько не мешает тому, чтобы между христианами были книжники и люди неученые, аскеты и малодушные.

Таким же образом и политическая способность не выражает собою особой способности к управлению государственными делами, к той или другой общественной должности; она не выражает исключительной преданности гражданству. Все это, повторяю, дело таланта и специальности: под политическою способностью гражданина, часто молчаливого, сдержанного, не имеющего общественной должности, я разумею нечто совершенно иное. Обладать политическою способностью значит сознавать себя членом общества, быть солидарным с выражаемой им идеей и стремиться к её осуществлению. Всякий, обладающий этими тремя условиями – политически способен. Так, все мы сознаем себя французами; мы верим в какую нибудь конституцию, в предназначение нашей страны, и для этих целей поддерживаем своими напутствиями и голосами ту политику, которая, по нашему мнению, всего вернее выражает наше чувство и всего лучше служит нашим убеждениям. Чувство патриотизма может быть в каждом из нас более или менее развито; но

сущность его одна и таже; отсутствие его всегда уродство. Словом, мы обладаем сознанием, идеей и стремимся к их осуществлению.

Так, вся задача политической способности рабочего класса как и среднего сословия и как некогда дворянства выражается следующим:

1. достиг ли рабочий класс, с точки зрения своих отношений к обществу и государству, самосознания? Отличается ли он, как лицо юридическое, нравственное и свободное, от среднего сословия? Отделяет ли он свои интересы от интересов буржуазии, и хочет ли он не смешиваться с нею?
2. имеет ли рабочий класс какую нибудь идею, т. е. создал ли он себе понятие о своем положении? Знает ли он законы, условия и формулы своего существования? Предвидит ли он свое предназначение, свою цель? понимает ли он свое отношение к государству, нации и мировому порядку?
3. наконец, в состоянии ли рабочий класс вывести из своей идеи по отношению к организации общества свои собственные, практические заключения, и в состоянии ли он, в случае упадка или отступления буржуазии, имея в своих руках власть, создать и развить новый политический порядок вещей?

Вот что такое политическая способность. Само собой понятно, что мы говорим только о действительной способности, способности коллективной, порождаемой самой природой и обществом, и проистекающей из умственного развития человечества; способности, которою, несмотря на неравенство таланта и сознания, обладают в одинаковой степени все индивидуумы и которая не может сделаться ничьей привилегией; способности, встречающейся во всех религиозных общинах, сектах, корпорациях, кастах, партиях, государствах, национальностях и т. д.; способности, которую не может создать законодатель, но которую он обязан отыскивать и которую он во всяком случае всегда предполагает. Согласно этому определению политической способности, я отвечу относительно рабочего класса и независимо от всех оплошностей и бараньих манифестаций, которые мы видим к сожалению ежедневно:

На первый вопрос: Да, рабочий класс сознает себя, и мы можем даже определить, с каких пор он пришел к этому самосознанию, а именно с 1848 года.

На второй вопрос: Да, рабочий класс обладает идеей, соответствующей его самосознанию, и идея эта находится в прямом противоречии с идеей буржуазии; можно только сказать, но она не была еще вполне выяснена ему, и он еще не преследовал её во всех её последствиях и не успел сформулировать её.

На третий вопрос, относительно политических применений этой идеи, я скажу: Нет, рабочий класс, уверенный в себе и уже в половину понявший принципы, составляющие новое верование, еще не пришел к тем общим практическим выводам, к которым они приводят; у него еще нет собственной политики: доказательством этому служит его подача голосов за одно с буржуазией и разные политические предрассудки, которых он придерживается.

Скажем без школьного фразерства, что рабочий класс только что еще вступает в политическую жизнь: благодаря принятой им инициативе и своему численному

превосходству, он переместил центр тяжести политического мира и встревожил экономический порядок; но вследствие хаоса в понятиях его, а, главное, вследствие правительственного фантазерства, перешедшего к нему от буржуазии, находящейся in extremis, он не сумел еще утвердить свое преобладание, отсрочил свое освобождение и до некоторой степени скомпрометировал свою будущность.

Версия #1

Зверобой создал 16 марта 2025 03:27:23

Зверобой обновил 16 марта 2025 04:35:29